З.М. Ибрагимова

Семейный альбом на историческом фоне (геологи – о себе, о науке, о Сибири)

Эта книга завершается литературным приложением. Всякий ли читатель дойдет до него, споткнувшись о вынужденно суховатый, сугубо справочный фрагмент (есть такие) пестрого сборника воспоминаний? Во избежание подобной досады хочется предварить вступление именно стихотворными строчками из приложения. И к некоторым главкам введения взять эпиграфами лирические признания геологов, признания нежные, веселые, философские, разбросанные по годам, по праздничным и событийным поводам, по географическим широтам и душевным состояниям, по домашним архивам и книжным полкам.

Для начала – что-нибудь «эпическое».

Во глубине сибирских руд,
Без мала в центре всей Сибири,
Живут ученые, их труд
Известен людям в целом мире.

Б. Лапин

Или – почти афористическое:

Воспетый рифмами и песнями,
Геолог – это божий дар.
Геолог – больше, чем профессия:
Он – человеческий стандарт.

О. Гречищев

А можно и улыбнуться:

Мама-геология,
Госпожа наука!
Очень вы капризная –
Вот такая штука.

Нет месторождения,
Так и говори…
Эх! Не везет в науке –
Повезет в любви…

В. Щеглов

Но так как месторождения есть (и какие!), то разговор предстоит нешуточный. А про любовь – что за стихи без любви?! Впрочем, А.С. Пушкин полагал, что и истины нет без любви. Истина же добывается не только поэтическим вдохновением. Тут, пожалуй, суровая проза первенства поэзии не уступит.

1. Скоро сказка сказывается?..

Всеми принято говорить, что Сибирь есть золотое дно, но у нас нет данных, чтобы утверждать это.

Проф. М.А. Усов. На открытии Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 15 декабря 1926 г.

Зачем нашим академическим геологам вторая книга «о себе», когда в первую («История развития Института геологии и геофизики СО (АН СССР и РАН) и его научных направлений», 2010) вошло, кажется, всё, достойное незабвения и интереса потомков?

Всё?! Слово короткое, а значений уйма. Стоит заглянуть в словарь – и удивиться количеству нагрузок на слово-невеличку. А лучше и не заглядывать – просто попытаться представить себе, что такое «всё» в приложении к более чем полувековой жизни большого многопрофильного коллектива исследователей, объединенных исходной позицией «ГЕО».

Редколлегия первой книги, вероятно, испытывала немалые затруднения с отбором материала для юбилейного обзора – отчета, призванного объять необъятное: история идей, людей, научных школ и открытий, этажей расселения и ступенек роста. Или, напротив, с первой книгой было проще? Даты, имена, хроника событий, география поисков, результаты, дань благодарной памяти учителям и основоположникам…

Книга получилась большая. И по объему (900 с.), и по количеству авторов (более 100), и по содержанию: полвека уложены в основательное представление науки и «в лицах», и в тематике. В чем нетрудно убедиться, познакомившись хотя бы с оглавлением книги.

Стоит ли говорить о значении знания в создании сырьевой базы для страны, живущей, по словам современных публицистов, на иждивении у Сибири? В понятие «сырье» входит заветный набор полезных ископаемых, среди которых у всех, что называется, на устах Их Величества Нефть и Газ. А уж алмазы, золото и прочие драгоценности как были, так и остаются мерой благоденствия что государств, что сребролюбивых индивидов.

Но эти дары природы не ищут потребителя. Их надобно искать. И первая книга рассказывает о том, каких трудов стоят сенсационные открытия щедрых месторождений углеводородов, бесценных камней, цветных металлов, угольных залежей и… Чего еще угодно? На книжных страницах легко (в отличие от болот, тайги, тундры) найти и руды, и «алмазные дожди», и «жидкое серебро» – ртуть, и потрясающие минералы, и те материалы земных недр, которые порой еще и не названы, но уже обещают замечательное применение.

За открытиями – работа поколений. На долю одних выпали мечтания и прогнозы, казавшиеся фантастическими. Другим досталась слава открывателей богатств, напророченных предшественниками.

Скоро сказка сказывается…

В великом (по-моему, это не перебор) исследовании Николая Михайловича Ядринцева «Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия» (СПб., 1882) картины безрадостного состояния Сибири адресованы, наверное, больше потомкам, чем современникам. Сколько можно и нужно сделать, какое поле приложения созидательных сил!

«Среди… толков, проектов и предположений мы постоянно слышали: “пора открыть реальные богатства, сокрытые в неведомой Сибири, пора

обратиться к их разработке; Сибирь – это золотое дно, золотой сундук наш”.

…Ясно, что русский человек шел ощупью в этом новом для него мире… Чтобы уметь открывать или находить богатства природы, нужны были знающие люди».

Печалясь об «умственном бессилии» и «социальной беспомощности» края, Н.М. Ядринцев приходит к логически незатейливой и практически трудно, но осуществимой рекомендации: «…нигде, может быть, образование не способно принести таких благодетельных плодов, как в Сибири».

Идут годы, проходят десятилетия – и что же? Политико-экономический и краеведческий журнал «Жизнь Сибири» (1924, № 10) – издание Сибирского краевого исполнительного комитета Советов в статье «Научно-исследовательская работа в Сибири» констатирует:

«Мы имеем в Сибири кадр научных работников не менее 500 человек, занимающихся исследовательской деятельностью…

Возникшие исторически одновременно и по разным поводам, научно-исследовательские организации Сибири вели работу сепаратно, руководствуясь только своими планами, не увязанными общими задачами исследования края…

Налицо – много хаоса».

И к Первому съезду ученых, который открывал профессор Михаил Антонович Усов, малочисленная сибирская наука располагала красноречивыми данными разве что об отсутствии данных:

«…картография Сибири не исследована на 76 процентов, флора – на 66 процентов, фауна – на 86, почвы – на 76 и настолько же – геология…»

Но, похоже, именно такая «процентовка» неизведанности укрепляла веру ученых в успешность поисков, подогревала восторженность публицистов в оценках непременных открытий:

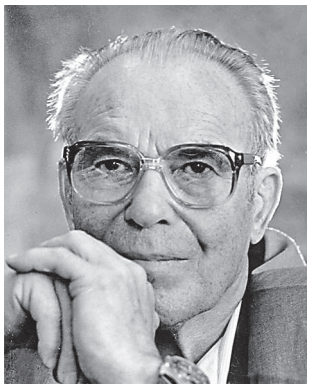
«…если копнуть лопатой зеленую шкуру Сибири – из дыр посыпется уголь, железо, возникнут великие города, мировые пути сообщения, засверкает искусство…»

Про углеводороды еще не говорят – сибирские нефтяные «подсказки» Ивана Михайловича Губкина появятся в начале тридцатых.

Нефтяник-теоретик, нефтяник-практик, нефтяник-патриот, всемирный нефтяной авторитет, И.М. Губкин оказывал огромное влияние на молодых современников, увлеченных его идеями, его надеждами, его примером.

Геолог треста «Востокнефть» Андрей Алексеевич Трофимук окончил заочную аспирантуру Казанского университета защитой кандидатской диссертации «Нефтеносные известняки Ишимбаева». 11 декабря 1938 г. ему присудили искомую ученую степень, а 26 декабря он написал благодарственное письмо И.М. Губкину с сообщением об удачной защите работы («известной Вам»), кончавшееся так: «Я могу заявить, что Вы не только мой учитель в области нефтяной геологии, Вы – человек, личные качества которого, отношение к людям являются образцом, таким примером, подражать которому я буду стремиться всю жизнь. Глубоко уважающий Вас А. Трофимук».

До Сибирского отделения Академии наук СССР – почти двадцать лет, немногим больше – до первой сибирской нефти. Оба исторически значимых события неразрывно связаны с именем А.А. Трофимука.



Академик А.А. Трофимук

Если «колониальной» Сибири выпала все-таки однажды долгожданная счастливая карта, то это, несомненно, создание архипелага СО АН. (С нефтью посложнее – по независящим от сибиряков обстоятельствам «счастье» здесь не столь однозначно. Об этом – дальше.)

И первая книга наших геологов отдает должное «золотому веку» (определение академика Бориса Сергеевича Соколова: звучит оптимистичнее, чем «золотое дно») отечественной геологии. Открыты и отрабатываются крупные месторождения, реализуется масштабная программа регионально-геологического изучения страны, сибирская геологическая наука собирает звезд первой величины.

В юбилейную книгу Института геологии и геофизики входишь как в не понаслышке знакомый дом большой доброй семьи. Тут дорожат родословной, чтут традиции, прислушиваются к старшим, молодняк воспитывают с родительской заботой о самостоянии.

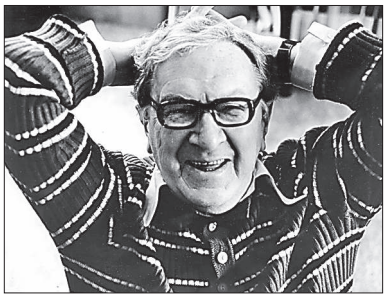
Идеализация? Не исключено, по причине долголетних контактов с геологами, не омраченных обидами ни в работе, ни в дружестве. Но книга способствует такому ощущению. Может быть, потому, что подчиняется закону жанра – юбилейный портрет меньше всего нуждается в объективности?

Несправедливый допуск. «Развитие и борьба идей» – главное содержание книги, говорят ее составители и сопровождают перечень достижений «черным списком» направлений и замыслов, не оправдавших надежд на успех. Одни останутся уроком заблуждений, другие, возможно, дождутся новых лидеров, новой аппаратуры, новых преданных науке теоретиков и экспериментаторов.

Не затруднительно воспринимать картины надежного товарищества в геологическом сообществе. Сложнее с идеями, движущей силой познания.

Подчинение фактов идее – «чрезвычайно опасный путь. Это путь не просто ошибочный, это путь ложный… Теоретические объяснения должны следовать за эмпирическими обобщениями, за добросовестным анализом большого фактического материала. Построение гипотез, дополнительная работа по проверке этих гипотез – это следующий этап формирования обоснований теории». Так просвещал меня Александр Леонидович Яншин давно (давным-давно?!) в начале 1980-х.

Я, кажется, усомнилась – есть же в истории науки примеры главенствующей роли идеи в судьбе ученого и его открытий. Г. Шлиман поверил Гомеру и отрыл Трою. Если бы А. Флеминг не был одержим идеей создания вещества-антисептика, он бы бездумно выбросил тронутую плесенью культуру, и неизвестно, когда бы человечество получило пенициллин и получило ли бы вообще. Если бы А. Трофимук не был так «заведен» нефтяными прогнозами И.М. Губкина…



Академик А.Л. Яншин

Александр Леонидович мягко меня поправил. Речь – не об умалении значения Идеи. Опасно превращение ее в догму, игнорирующую неудобные факты, что и приводит к построению бездоказательных теорий.

И первая книга посвящена науке, в которой действительно нет «столбовых путей», а сплошь «каменистые (добавьте – болотные, мерзлотные и пр.) тропы». Отдано должное вехам развития, трансформации идей, достоинствам учителей, испытаниям учеников на сопротивление дурным обстоятельствам…

Зачем же все-таки понадобилась вторая?!

2. «Времена Фаустов миновали»

Злости нет ни на грош –
По привычке клянешь,
Посылая и к черту, и к богу:
Будь сто сроков у нас,
Выбрал в сотый бы раз
Ту же самую в жизни дорогу.

Л. Фирсов

Затем, конечно, что далеко не всем желающим «остановиться, оглянуться» нашлось место в первой книге, хоть и большой, но не безразмерной. Геологи – народ пишущий, и накопленных впечатлений у этих «землепроходцев» довольно на многотомное собрание путевых заметок, экспедиционных отчетов, документальной хроники открытий, лирических зарисовок и признаний. Это – во-первых.

А во-вторых, первая книга – при несомненном стремлении к всеохватности – обнажила и нетронутые «пласты» богатых залежей совокупной памяти. Красочные детали, выразительные подробности, дневниковые фиксации настроений, точные приметы времени, дорогие люди, о которых сказано еще до обидного мало…

Что же выбрать для введения, вовсе не обязанного навязывать читателю порядок освоения предлагаемых текстов? Оно субъективно (как реакция любого читателя). Не мысля угодить всем, останавливаюсь на том, что мне представляется и привлекательным, и важным.

Среда обитания. Редкий автор обходится без описания или оценки микроклимата, в который ему посчастливилось попасть. Несколько ссылок (цитирование выборочное, ибо полная сводка идентичных по смыслу высказываний неподъемна для предисловия. Опускаю и справочные сведения об авторах – книга удовлетворит дотошность любопытствующих).

Г.С. Фрадкин: «…высокий научный уровень коллектива и постоянно усложняющиеся задачи требовали полной самоотдачи. Этому способствовала творческая атмосфера в осадочном отделе: регулярные научные семинары в лабораториях, ученые советы с яркими докладами академиков и ведущих сотрудников, практически неограниченные полевые работы, командировки по целевым вопросам и для участия в тематических совещаниях, систематический обмен информацией и накопленным опытом. Здесь царил дух плодотворного научного творчества, коллективизма и доброжелательности. Директор института, его заместители и все руководители подразделений были легко доступны, абсолютно открыты и по-доброму настойчиво ориентировали сотрудников на непрерывный рост квалификации и повышение эффективности работ».

Б.М. Чиков: «В ИГиГ с академиком можно было спорить даже младшему научному сотруднику».

Г.В. Поляков: «…неформальные отношения способствовали сохранению доброжелательной атмосферы, что, однако, не оборачивалось снисходительным панибратством в научных делах. Напротив, отсутствие больших возрастных различий, доброжелательные, но, тем не менее, критические, основанные на разном опыте и подходах взаимоотношения способствовали деловой обстановке. Нередки были и горячие дискуссии на

семинарах, ученых советах, при подготовке и обсуждении научных статей или просто за чаем в обычные для того времени вечерние бдения».

С.С. Сухорукова: «…на протяжении своей 40-летней работы в институте я всегда имела поддержку, реальную помощь, доброе отношение руководителей… Они редактировали, направляли, помогали, участвовали, но ни разу никто из них не сказал: “Я – ваш соавтор, ставьте мою фамилию в эту статью”. В целом была обстановка подлинной демократии. Они были всегда доступны для обсуждений, я была полностью свободна в выборе объектов и методов исследования…»

Ю.Р. Васильев: «Коллектив лаборатории был очень дружный, с разнообразными жизненными интересами, каждый из нас был готов прийти на помощь друг другу».

Л.И. Панина: «В коллективе царил творческий энтузиазм… Хотелось бы отметить очень характерную деталь сотрудничества того времени. При конструировании, изготовлении и в процессе эксплуатации термокамер никаких секретов мы не держали при себе. Любой мог позаимствовать созданную другим конструкцию и изготовить для себя такой же образец, не было соперничества, а царил дух созидания и творчества».

В.А. Киркинский: «Хотелось бы отметить совершенно особую атмосферу увлеченности наукой, которая была в 1960–1970-х годах. Причиной этому была наша молодость, но главное – тот рабочий, творческий настрой, который создали отцы-основатели Академгородка и ИГиГ».

Хватит, наверное. Остается только повторить про то, как наконец повезло Сибири с созданием ее именного Отделения Академии. «Умственному недостатку» края был брошен беспрецедентный вызов. Выдающиеся ученые в окружении пылкой молодежи рискнули начать новую жизнь с обустройства не в самом уютном месте под солнцем Родины – и доказали значение благоприятного микроклимата в одолении пространства, инерции, косности.

Геологи тоже, как и биологи, физики, химики, слетались в Сибирь отовсюду. Сошлюсь еще раз на свое старое интервью с А.Л. Яншиным. В 1983-м Александр Леонидович прилетел на празднование 25-летия института – уже в ранге вице-президента большой Академии. Поздравила его с высоким избранием, спросила, не изменит ли столичная «высота» его отношение к теперь уже периферийному институту.

З. Ибрагимова, член Союза писателей и Союза журналистов

Ответил, что тут его взгляды и оценки вряд ли изменятся. Потому что для него несомненны крупные научные и практические результаты деятельности сибирского коллектива. Чему обязана такая результативность? Александр Леонидович, само собой, обратился к дням творения: «Прежде всего тому, что в момент формирования коллектива, двадцать пять лет назад, в стенах института собрались хорошие, очень высокой квалификации, представители разных геологических школ. Хотел бы обратить особое внимание на это обстоятельство, потому что считаю его одним из основных условий успеха работы института. В коллектив вошли наиболее яркие представители Сибирской геологической школы, но сюда приехали также и крупные геологи из Ленинграда, Москвы, Львова – со своими учениками, так была создана возможность сближения и в то же время – если хотите – доброго соревнования разных направлений, разных школ, разных тенденций, что очень способствовало взаимному обогащению и быстрому росту коллектива в целом».

И из этой книги можно узнать, кто, откуда и как оказался в Городке. Сибирская «магнитная аномалия» срывала людей с насиженных гнезд, притягивала вузовских выпускников, собирала рассеянных по огромной стране отверженных умников, подвигала среднеобразованный подрост на импульсивные поступки.

Так для многих, очень многих геологов начинались полстолетия исканий и увлечений, экзотических путешествий и мозгового «напряга», очарованности природой, непостижимости ее тайн и овладения ее шифрами.

В 1967 г. «Литературная газета» опубликовала небольшую статью А.Л. Яншина под названием «Времена Фаустов миновали». Академик, с именем которого связаны открытия крупных месторождений, утверждал: «Ничто в современной науке не делается одним человеком». Воспоминания авторов предлагаемой книги убедительно доказывают «коллективное» происхождение результатов.

Разные лаборатории, разные руководители, но общая благодарность атмосфере тех лет: «…Убежден, что это была лучшая лаборатория ИГиГ, с великолепным рабочим климатом, обстановкой доброжелательности и взаимопомощи» (С.М. Николаев).

Атмосфера, питательная среда обитания – исходное условие плодотворности коллектива, раскрепощения талантов и способностей. Дышалось вольно, думалось дерзко, работалось упоенно. Что вовсе не означает комфорта, беспроблемности, даровой манны небесной.

Геологи и комфорт?! Понятия по определению, кажется, несовместные. Микроклимат – лучше вроде некуда, а с погодно-климатическими и социально-экономическими условиями хватало испытаний и трудностей, препятствий и головоломок, для разрешения которых иногда маловато чистых помыслов и высоких целей.

3. Когда «трасса забита помехами»

Но главное,
Чтобы звезда
всю ночь мерцала над палаткой.

Ф. Кренделев

По А. Эйнштейну, «значение понятия поля обнаруживается в том, что оно ведет к новым экспериментальным фактам». Приложимо к геологам? Да уж… Но едва ли достаточно.

У геологов «в полях» и тоскливая непогода, и изнурительное бездорожье, и неквалифицированные сезонные помощники, и перепады настроений – прямая зависимость от находок дня… Они не жалуются, бывалые разведчики недр, просто фиксируют предлагаемые обстоятельства.

Ф.П. Леснов: «Существовавшая в те времена система финансирования институтов Академии наук, а также умеренная стоимость транспортных услуг позволяли нам почти каждое лето выезжать на полевые работы в самые отдаленные уголки СССР. Мы проводили тематические исследования мафит-ультрамафитовых магматических комплексов на Чукотке и Камчатке, Урале, Сахалине и Курильских островах, в Корякии, Приморье и на Сибирской платформе, в Саянах и Забайкалье, Горном Алтае, Туве и Монголии, в горах Тянь-Шаня и Памира.

…Вспоминается, как однажды в Корякии из-за непогоды пришлось много дней ожидать вертолет, который должен был вывезти нас из тундры в пос. Корф. В результате закончились продукты, и нам “повезло” питаться только свежевыловленными ленками в жареном и вареном виде, закусывая свежеприготовленной красной икрой. (*Недурно?! Но ведь и икра может осточертеть, когда ни хлеба, ни тушенки. – З.И.*) Когда около наших палаток все-таки приземлился долгожданный вертолет, то оказалось, что он уже перегружен снаряжением и людьми какого-то другого отряда… (*Их все-таки взяли, но взлететь не смогли – далее… читайте текст, там подробности. – З.И.*)

…Приключения подстерегали нас также в пустынях и таежных районах Монголии. Экспедиционный ГАЗ-66 неоднократно увязал по кузов в реках и болотистых местах, три раза переворачивался, к счастью без человеческих жертв. В пустыне Гоби машина зарывалась в зыбучие пески, и мы не раз рисковали остаться без запаса воды…»

Подчеркну, что это заметки доктора наук, академического геолога. У производственников взгляд на «академиков» скептичен: ездят, дескать, отдохнуть на природе, отвлечься от бумаг и симпозиумов. Да и от программиста довелось как-то услышать: «Геологи? Эти туристы-альпинисты?..»

Можно, наверное, понять то ли ревнивый, то ли чуть завистливый взгляд на «бродяг», избавленных от производственного плана и ложками (а то и мисками) поедающих икру на берегах нерестовых лососевых речушек. Однако природа-матушка дары свои даром не отдает.

Н.М. Подгорных: «…более всего меня привлекало таинственное слово, которое произносилось моими уже, можно сказать, коллегами с различными артикулярными вариациями. Это слово – “поле”, или еще более ласкающее слух – “поля”. О них рассказывали старшекурсники за рюмкой чая после очередной спортивной баталии либо за праздничным столом. Наиболее яркими эпизодами своей экспедиционной жизни делились на занятиях наши преподаватели. Ну как тут было не заболеть “полями”!

…Настоящее крещение полем я получил в тот же год, когда провел два с половиной месяца в Восточном Казахстане на Рудном Алтае с аспирантом ИГиГ Иваном Александровичем Калугиным. Осталось в воспоминаниях огромное кернохранилище, заставленное под потолок штабелями тяжеленных ящиков с керном, которые надо вытаскивать наружу, описывать, а затем затаскивать назад.

До сих пор помню наш лагерь у родничка в Родионовом логу, сорок, растащивших все сухари, разложенные на просушку, и оставивших нас на какое-то время без хлеба; множество змей и клещей, с которыми мы отчаянно боролись.

…Поле… в 1974 г. в Якутии на реке Оленёк… первый плот – плавучий дом на 200-литровых бочках из-под бензина, сконструированный и построенный нами; первый шлих, отмытый самостоятельно, но под строгим оком Петровича, моего однокашника и учителя в этом поле одновременно. Впервые увиденный алмаз… маршрут на трубку Аэрогеологическая, в котором едва не заблудился в тундровом болоте…»

Романтика? Кому как… Адреналин? Любопытно, когда сердце чаще бьется – в болоте или при виде алмаза?.. Отдых? Наверное, от перемены обстановки. Но ведь и Труд, что не всякому по плечу и в охотку.

Г.А. Поспелова: «…и мы поехали в Иркутскую область (Илимский район), куда, кстати, Екатериной II был сослан Александр Николаевич Радищев – автор “Путешествия из Петербурга в Москву”. В то время сохранилась даже его избушка. Условия работы там были ужасные – комары просто съедали, без накомарников нельзя было оставаться ни на минуту, особенно сложно было есть. Зато мы научились проводить отбор образцов (чем глубже, тем лучше) и познакомились с условиями, в которых жил опальный русский писатель».

На себе прочувствовали, каково приходилось бедному А. Радищеву. Вот уж где, возможно, связь времен так живо (и невыносимо) давала о себе знать. Но это почти победительное «зато» и есть, по всей видимости, суть полевых терзаний. Не ради же туристических злоключений бросают «академики» кабинеты и лаборатории и отдают себя в руки провидения, далекого от дружелюбия микросообщества.

И.С. Чичинин, Г.В. Егоров, А.И. Бочанов и В.М. Носов – «таежники» (те, кто участвовал в создании аппаратуры «Тайга») – не пожалели красок на описание своих мытарств. Группе предстояло в бассейнах Оби и Иртыша помочь производственникам провести так называемые региональные сейсмические исследования, предшествующие поискам и разведке нефтяных месторождений. Нефть и газ, как нетрудно догадаться, диктуют размах разведочных работ. Новосибирским геофизикам-производственникам придан в обслугу караван из шести-семи судов. (*Для чего именно – см. текст.*) И что же?

«Команда на судах почти непрерывно пьянствовала – шли какие-то свои бесконечные разборки и драки. Полезных сигналов на записях не наблюдалось, трасса была забита какими-то помехами». Нравы воистину не академические. Но мозги-то академические на что? И.С. Чичинину «было ясно, что с такой публикой ничего путного не сделаешь. И тогда… пришла мудрая мысль, что сейсмостанции следует монтировать в виде спортивных (портативных) чемоданчиков, которые включались бы по радио. Они должны иметь шесть сейсмических каналов с магнитной записью. Легкий вертолет (Ми-2) должен брать на борт пять-десять регистраторов и расставлять их с шагом 10–15 км. Двадцать таких регистраторов покроют весь рабочий профиль, а одна расстановка обеспечит годовой план работ корабельного каравана».

Не было бы счастья… Так и зарождался проект телеуправляемой переносной аппаратуры, получившей затем известность под именем «Тайга». Перипетии реализации проекта в изложении «таежников» дают наглядное представление о пресловутых «трениях внедрения», пробивной энергии Михаила Алексеевича Лаврентьева и о кооперации институтов Городка. Замысел «Тайги» родился в «поле», там и проверялась новорожденная аппаратура (такая неженка поначалу…).

«4 ноября. Было уже довольно холодно, и Иннокентий Сафьянович накануне через знакомых собрал старые шубы, чтобы ими закутать регистраторы “Тайга”… При снятии показаний выяснилось, что регистраторы… неплохо сработали и дали симпатичные сейсмограммы».

Потом неженку закалили – усовершенствовали, приспособили к сибирским зимам. Хотя применение ей нашлось не только в Сибири. В 1968-м призвали «Тайгу» на Семипалатинский полигон – регистрировать сигналы при ядерных взрывах. (Тоже не в теплице режим контролировать.)

И дальше… Можно дочитать эмоциональный очерк «таежников», можно поразбираться в отчетах первой книги. Недавние секреты, в которые втянули «Тайгу» соответствующие ведомства, уже не тайна, и сотрудничество с зарубежными коллегами при участии «Тайги» позволило, как не без гордости резюмируют новосибирцы, «существенно уточнить строение мантии Земли...»

Это к вопросу «О влиянии поля на поиски выхода из тупиковой реальности». Почти шутка, однако реальность – она не только в поле, но и дома заставляла забывать об отдыхе, включала воображение, вынуждала к сомнительным подвигам, приводила к неожиданным решениям.

В поле утешаются «звездой над палаткой». А дома?

4. И сквозь магический кристалл…

Но до сих пор никто не в силах
понять, как в полостях и жилах
кристаллы чистые растут.

А. Птицын

Выбранные эпизоды из рассказов о прежней жизни удивляют не столько бытовыми и материальными трудностями (где они, легкие времена?!), сколько аскетическим стоицизмом поколения первых жителей городка.

Вот ветеран института, научный сотрудник отдела геохимии Л.М. Попова рассказывает о том, как Городок получил первую воду. (Полвека я связана с Академгородком, а про эту историю ничего не слышала.)

Год 1957-й. Выпускница Московского геолого-разведочного института 2 сентября оформлена старшим коллектором в Бердскую партию Комплексной экспедиции, которой нужно найти источники водоснабжения для еще не существующего Городка. На москвичке слегка зауженные брюки, за что она и получает от сибиряков осудительное определение – «стиляга». Но это – «по одежке», а когда уж пошло «по уму», простили столичной штучке зауженные брюки.

Как жили?

«…До полного завершения работ надо было пережить очень холодную зиму и выполнить большой объем исследований. А пока мы жили на берегу водохранилища в палатках. Холода давали о себе знать, поэтому коллектив партии временно расселили в бывшей казарме, неотапливаемой и защищавшей нас лишь от ветра, постоянно дующего с водохранилища».

Знакомо? Не удивишь такой картинкой никого из тех, кто по собственному желанию мчался в Сибирь на строительство гидростанций, разведку недр, закладку целинных совхозов. Академгородок тоже начинался с щитовых домиков строителей и легендарной «избушки лесника» – приюта М.А. Лаврентьева, но пионеры Золотой долины не знали уныния. Как и искатели воды, решавшие одну из ключевых (в прямом и переносном смысле) задач обустройства.

«В маленькой комнатушке два на три метра разместили меня и двух студенток-практиканток из техникумов. Спали на нарах в старых спальниках, прижавшись друг к другу от холода». Опять нары… Мрачный символ исправительной Сибири. Но молодым добровольцам-энтузиастам неведо-

мо чувство обреченности, отчаянной безысходности. Узор истории, достойный изучения.

«Там втроем (остальные уехали по домам), – продолжает Л. Попова, – мы встретили сороковую годовщину Великого Октября, сбегав за едой и прикупив, не скрою, бутылку славного напитка “Рябина на коньяке”. Нам было тепло и весело, и никаких обид на неустроенность быта».

Распили на троих бутылочку – и все нипочем? «Рябина», конечно, согрела мерзнувших девчат, но мажорный настрой стаканчиком славного напитка не объяснишь. Посодержательнее, позначительнее были «трезвые» обстоятельства. «Однажды ребята сообщили мне, что недалеко от наших мест они наткнулись на домик, возле которого какой-то дед рубил дрова. Они предлагали сходить с ними туда и самой убедиться, что не врут, но мне не удалось найти время для этой прогулки, о чем сожалею до сих пор. Позже я, конечно же, узнала, что это был домик М.А. Лаврентьева, а “дед” – сам академик, которому в то время было лишь 57 лет. Двадцатилетним ребятам он легко мог показаться дедом… Стройка города науки гремела на весь Союз…»

Об общем настрое тех лет столько уже сказано! Нет нужды в повторах. Но память каждого хранит свои драгоценные подробности.

«Весной 1958 г. нам сказали, что приедет академик С.А. Христианович с большой свитой ученых и деловых людей, чтобы ознакомиться с ходом строительства Академгородка. Осмотр начинался с наших скважин, затем – по бетонке Академической улицы (ныне Морской проспект). Грязь там была непролазная. Добравшись до строившегося Института гидродинамики, где наметился уже первый этаж, кавалькада остановилась, и гости пообщались со строителями.

Дальше бетонка кончилась, и все пошли пешком по будущему проспекту Лаврентьева. Ходьба для меня была тяжеловатой, поскольку резиновые сапоги увязали в густой грязи и часто без посторонней помощи их невозможно было вытащить. Потом процессия свернула налево, и все остановились у покосившегося колышка с прибитой дощечкой, на которой от руки, коряво черной краской было написано “Ин-т геологии”. Кто-то обратился к малоприметному мужчине небольшого роста, дескать, вот ваш институт. Мужчина подошел к колышку, поправил его и под общее одобрение вдавил сапогом в землю, чтобы стоял надежно. Это был академик Андрей Алексеевич Трофимук».

Кончает воспоминания Лидия Михайловна ожидаемым признанием: «Тогда я не думала, что через год буду работать в этом самом институте, в 1961-м перееду в здание, построенное на том месте, где ранее стоял колышек, и уже более 50 лет буду пить ту самую воду, которая так нелегко далась. Эта была моя первая самостоятельная работа, было очень трудно, но те дни относятся к самым интереснейшим и ярким дням моей жизни».

Так что, спасибо, конечно, «Рябине на коньяке» за согревающие в лютые морозы градусы, но на этом энергетическом напитке не уйдешь далеко, не взлетишь высоко. А Городок шестой десяток лет остается вдохновляющим примером любовного отношения к Сибири для всех, кому не безразлично благо Отечества.

В.А. Киркинский: «Первые месяцы запомнились всеобщим энтузиазмом по обустройству лаборатории экспериментальной минералогии. Зака-

зывали и приобретали аппаратуру и сразу монтировали ее. Обычно все работы по разгрузке тяжелого оборудования и его монтажу проводились силами научных сотрудников. Опыта такой работы, конечно, ни у кого не было, что нередко приводило к довольно опасным ситуациям. Так, когда мы выгружали из кузова грузовика рентгеновский аппарат весом более полутонны, Г.В. Букин, стоявший на земле, протянул руки, чтобы принять его на себя, и заставлял при этом еще более молодых ребят толкать аппарат на него. Геннадий Васильевич – парень здоровый, но такая операция сделала бы даже его инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Мне пришлось буквально заорать на всю компанию, чтобы прекратить опасный эксперимент и тем самым сохранить Г.В. для будущих великих свершений в деле выращивания изумруда и других кристаллов. В сходном эпизоде я сам чудом остался в живых…» (*Лопнул крюк, и висевший на нем пресс рухнул; к счастью, обошлось без жертв. – З.И.*)

Хорошо это или плохо? Двойственное восприятие. Хорошо, что в азарте новоселья прежде всего полагались на себя, не тратя на каждом шагу времени на ожидание подсобных рабочих (способных ли, еще неизвестно, не угробить дорогое оборудование). Плохо заниматься тяжелым физическим трудом, рискуя здоровьем, а то и жизнью. Но так было, и если чертыхались, то потом даже гордились опытом вынужденной универсальности.

Г.В. Букин, в частности, замечает: «…я научился слесарно-токарным и даже электросварочным работам, что мне очень пригодилось в жизни и за что я искренне благодарен “шефу”, как мы меж собой называли заведующего лабораторией. Особенно я был полезен на разгрузке прибывающей аппаратуры и оборудования, где постоянно совершенствовался весь мужской состав лаборатории во главе с шефом».

У женщин – свои подвиги. Нет грубой физической силы, есть тонкая интуиция, предприимчивая смекалка. Научно-технические задачки, овладевшие прелестными головками, давали женщинам право на… Впрочем, об этом через пару абзацев, вводящих в ситуацию.

Л.И. Панина вспоминает о том, как лаборатория минералогии осваивала методы изучения микровключений – «капелек минералообразующих сред, законсервированных в минералах в процессе их роста». Требовалась аппаратура с нелегко совместимыми свойствами: простая в изготовлении – сложная функционально.

«Началась генерация идей, обсуждение различных предлагаемых конструкций термокамер и поиск материала для их создания. Примечательно, что в разработке активно участвовали не только “включенцы”, но и их друзья из других лабораторий».

Кто бы сомневался. Но вот и «криминал» – в части самообеспечения необходимыми материалами: «…если платину и жаропрочную проволоку можно было как-то достать в отделе снабжения, то остальное добывали самостоятельно. Так, силитовые стержни входили лишь в комплект муфельных печей, и приходилось ходить по всему институту в поисках таких печей и выпрашивать у их обладателей искомый материал. Для корпуса (кожуха) термокамеры требовались асбестовые пластины и трубы… Однажды Татьяна Юльевна шла в институт и увидела в открытом гараже асбестовую трубу нужного размера. Не найдя хозяина, она с большой опаской взяла эту трубу, утешая себя мыслью, что это для дела и совсем не воровство, а возвращение похищенного государству».

Трогательно. И так невинно в сравнении с бесстыдной «прихватизацией» в постсоветской России. Но мы пока еще в том прошлом, где прихваченная по дороге на работу бесхозная труба обременяет совесть, а совесть оправдывается, утешаясь общепонятным доводом: для дела же! А дел много – научных, инженерно-конструкторских, организационных, буднично-рутинных и празднично-веселых.

Не беру на себя смелость популяризировать научные отчеты. Для этого нужны въедливые беседы с авторами и долгие часы в библиотечной тишине. Как, например, объяснить, зачем исследуются карбонатные формации кембрия Якутии или какими методами оценивается потенциальная рудоносность ультрабазит-базитовых формаций? Не надо ничего объяснять (во введении, по крайней мере). Люди знающие разберутся, а читателям, от науки далеким, достаточно произвольным набором тем и результатов представить диапазон интересов академической «геологии» (геофизики, геохимии, геотектоники и… – далее по книге).

То, что понятно без перевода:

– 13 томов монографических сборников «Тектоника Сибири»;

– атлас дежурных карт Сибирской платформы (уточнение и дополнение данных при каждом переиздании);

– стратиграфические схемы слоев земных (вольный пересказ) возрастом в десятки миллионов лет;

– 15-томный труд «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока»;

– монография «Миграция рассеянных битумоидов»;

– принципы построения генетических моделей рудных формаций;

– десять новых минеральных видов ртути, открытые В.И. Васильевым, три из них названы именами незабвенных учителей – академика В.А. Кузнецова (кузнецовит), чл.-кор. Ф.Н. Шахова (шаховит), проф. ТПИ А.М. Кузьмина (кузьминит) и отца-основателя Сибирского отделения АН СССР М.А. Лаврентьева (лаврентьевит). В честь первооткрывателя этих видов появился и васильевит – так ученые Канады, Америки и Швейцарии решили назвать открытый ими ртутный минерал;

– выращивание драгоценных кристаллов – изумруд, александрит, алмазы, «представляющие особую ценность для электронной промышленности»…

Уточненные карты, новые приборы и методы, прогнозная навигация, экспертиза дискуссионных проектов (например, Катунская ГЭС), участие в комплексных научных программах («Сибирь», хозяйственное будущее зоны БАМа), подготовка методологических справочников и учебных пособий, «критический пересмотр» некоторых устоявшихся взглядов… А месторождения – это уж награда и за «поля», и за «домашнее» напряжение.

В Доме, как в доброй избе, есть своя горница или светелка, хоть уменьшение в данном случае оправдать можно только особой нежностью к залу специального назначения – Центральный Сибирский геологический музей… О том, где бывали, что видали, чем пленялись геологи разных поколений, нигде, пожалуй, не узнаешь больше, чем здесь. Еще до Сибирского отделения в Горно-геологическом институте Западно-Сибирского филиала АН СССР по инициативе Г.Л. Поспелова начала собираться коллекция образцов рудных месторождений Сибири.

И собирается-пополняется. Не буду переписывать буклеты, а вот яркий эпизод из красочных воспоминаний директора музея Н.М. Подгорных хочется воспроизвести:

«Основная масса образцов собрана сотрудниками музея и при самом активном их участии… надо было находить доводы, чтобы убедить хозяина уникального образца передать его музею или заинтересовать, предложив обменять либо купить за минимальную цену. Нам это удавалось, особенно когда у нас была поддержка геологов-однокурсников, работавших руководителями на производстве.

Именно с их помощью Маргарите Павловне Могилевой удалось как дар музею получить на месторождении “Сиреневый камень” монолит (800 кг) чароита. Надо было загрузить его в вертолет, привезти до базы экспедиции в Хатыми (Якутия), договориться с рабочими (за ящик коньяка), чтобы его и еще несколько образцов приполировали. Затем все это погрузить в контейнер – баржей до Ленска и далее по железной дороге до Академгородка. Уже у института Роман Слободской, увидев плачущую и растерянную Маргариту возле контейнера, быстро собрал команду добровольных грузчиков из числа научных сотрудников ИГиГ, затащив образец на второй этаж и поставив его у входа в музей. Таким же образом с помощью однокурсника, начальника Бурятского геологического управления, ей удалось достать в дар музею и привезти несколько крупных блоков высококачественного нефрита».

Из 4700 известных минеральных видов в новосибирской коллекции их более тысячи. У каждого экспоната – своя история. Иногда – почти детективная. Как, например, удалось заполучить уникальный самородок меди с Тайметского месторождения (Горная Шория)? Многолетняя эпопея – с участием академика, вертолетчиков, губернатора…

Читайте статью Н.М. Подгорных, книги других «охотников за камнями», отзывы бесчисленных посетителей музея, а лучше – самим собраться на экскурсию, послушать потрясающих экскурсоводов в процессе изумленного созерцания, обогатиться мифами и легендами о камнях, предаться философской задумчивости… А может быть, вы (неожиданно для себя) заговорите стихами…

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык…

Это Ф. Тютчев. А наши очарованные странники, геологи Олег Гречищев и Борис Щербов, Природе посвятили свою книгу-альбом «Истинный художник». Стихи из нее есть в литературном приложении. Вот строфа О. Гречищева:

Природа – истинный художник,
Ее талант легко раскрыть:
Лишь стоит камень осторожно
Пилой алмазной распилить…

Легко?! Простим поэту забывчивость его музы. Почти пятнадцать лет руководил Олег Константинович шлифовальной мастерской института и, похоже, самым «легким» для него стало подведение отчаянных итогов мытарского исполнения этой должности. Читать-то трудно, а каково пережить?

«За эти годы в мастерской я истрепал пять пар обуви, получил обширный инфаркт, два инсульта и окончательно ослеп». И все-таки остался верен романтической влюбленности в профессию: «Хорошая это штука, Геология!». Так называется книга О.К. Гречищева, недавно (2009) изданная в Санкт-Петербурге. Про свою влюбленность автор говорит, что «никакая другая любовь с ней не сравнится!!!»

А как же муки руководства, измолотившие человека?

Не виноваты тут ни камни, ни геология. В 1993-м предложили Олегу Константиновичу возглавить мастерскую. Хоть роман пиши (как у В. Гюго), озаглавленный датой… Бывшие советские люди, ныне граждане России, до сих пор непримиримо расходятся в оценке сокрушительной «эпохи перемен».

5. Честь и участь открытия

> Управляемые люди должны верить в своих правителей, а для того, чтобы верить, люди должны заранее чувствовать, что правители от них хотят, и знать, что при известных, заранее предсказываемых на основании этичности условиях власть так и так себя проявит.
>
> *Академик П.Л. Капица*

> Если академика через десять лет после его смерти еще помнят, он – классик науки.
>
> *П.Л. Капица,*
> *лауреат Нобелевской премии*

Сменяются поколения, научные приоритеты, лидеры, а открытые месторождения для науки – как корабли, спущенные со стапелей в открытое море. Разумеется, «семь футов под килем» и «счастливого плавания», но штормы, айсберги, пираты – это уж как «карты лягут». Политика, экономика, тектоника миропорядка… Кто тасует эти карты? Увы, миром правят не ученые, не романтики, не поэты. Поэтам – лирика, а богатые месторождения – кому?

Их открыли, утвердили, разобрались с запасами и… Как не единожды говорил А.А. Трофимук, настоящее чувство удовлетворения геолог испытывает лишь тогда, когда найденные им богатства используются во благо Отечества. Патриотизм Андрея Алексеевича, его гражданская позиция вошли в трагическое противоречие с «окаянными» временами беспощадного отказа от прежней жизни, со всем хорошим, что в ней было.

Прочувствованно и продуманно отмечалось недавно столетие главного геолога Сибири – научные чтения, расширенное заседание Президиума СО РАН, документальный фильм о юбиляре (мгновения уцелевшей на пленке жизни), множество публикаций в газетах разного уровня, подборка материалов в журнале «Наука из первых рук»… Отдавалось должное звездным часам открытий Трофимука, его непоколебимой убежденности в обоснованности научных прогнозов, масштабам его организаторской деятельности…

И его беспримерному поступку в 1998-м: публичному отказу от ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Открытое письмо академика А.А. Трофимука президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину опять по-

Академик А.А. Трофимук

явилось на газетных страницах – через тринадцать лет после его первого опубликования. (Не утратило злободневности?!) Процитирую только конец нестареющего письма:

«Я считаю зазорным для себя принимать из ваших рук награду за то, что не смог убедить вас и вашего соратника В.С. Черномырдина в проведении не разорительных реформ Международного валютного фонда, а действительных преобразований, поднимающих благосостояние народов России, обеспечивающих им заслуженное величие и процветание».

Нет в живых ни того, кому адресовано гневное послание старого бунтаря, ни того, кто зачислен в соратники безоглядного реформатора, ни самого академика-героя, а острота барьерного противостояния непримиримых представлений о благе Родины не исчезла вместе с «дуэлянтами». Другие действующие лица, а конфликт тот же – взаимонепонимание, взаимоотталкивание, кризис доверия.

Образ власти, способной обездоливать собственную страну, – тяжелая нагрузка на общество. 1990-е – еще близкий по времени и особенно впечатляющий пример дурного своеволия, вседозволенности власти, снявшей с себя нравственную ответственность за последствия шоковой терапии.

По мысли светлого умницы А.С. Пушкина, «устойчивость – первое условие общественного благополучия». Про накатившую на нас «устойчивость» геологи вспоминают как о стихийном бедствии.

Ю.Р. Васильев: «На втором этапе нашей жизни (с 1991 г.) реформаторский зуд, охвативший всю страну, прошелся катком и по нашей лаборатории… Молодые сотрудники уволились или ушли в другие лаборатории, была утрачена связь поколений. Наличие грантов и договоров позволяло проводить исследования, но они стали терять системный характер…»

Тут, надо полагать, руководство института лихорадочно приспосабливалось к обвальному сокращению финансирования науки.

Ю.Н. Антонов, А.Д. Дучков, А.В. Ладынин: «Годы перестройки и последовавшие за ними “преобразования” исключили на долгое время физическое и техническое участие науки, нуждающейся в практических полевых исследованиях методами наземной электрометрии». А речь, кажется, об уникальных работах.

Н.Н. Семаков: «С 1990-х годов отношение к науке изменилось и “сверху”, и “сбоку”. О самостоятельных полярных магнитных экспедициях пришлось забыть, а рассчитывать на помощь авиаторов, полярников, моряков и пограничников было уже неловко». Хочется добавить: да и вряд ли бы получилось – всех посадили на бескормицу, а уж как она меняет нравы, нам теперь рассказывать не надо.

Еще раз Ю.Н. Антонов: «Лозунг наших правителей того времени – “выживай как хочешь…”». И – так далее. Словом, цунами и землетрясения, свалившие СССР, не пощадили российскую науку. Безденежье, невостребованность, бегство «мозгов» в поисках благополучия… Сорокалетие Сибирское отделение отмечало невесело – «сороковины у нас», по горькой шутке тех лет. У геологов к общей подавленности и растерянности добавлялась своя сердечно-головная боль: богатства Сибири пошли вовсе не на те цели, о которых так пекся Андрей Алексеевич Трофимук. Участь место-

Открытое письмо одного из основателей Сибирского отделения АН, Героя Труда, дважды Лауреата, кавалера шести орденов Ленина президенту РФ Б.Н.Ельцину

Зазорно принимать из ваших рук награду

Борис Николаевич!

Находясь в больнице по случаю острых и частых приступов стенокардии (перенес в 1989 году очень тяжелый инфаркт), 18 февраля 1998 года ознакомился с текстом, опубликованным в рекламном новосибирском еженедельнике («Навигатор», № 6 (109). В нем между рекламными объявлениями сообщалось:

«За особые заслуги перед Российской Федерацией в области науки распоряжением президента РФ от 26 января 1998 года Академику Трофимуку Андрею Алексеевичу установлено дополнительное пожизненное ежемесячное материальное обеспечение в 10-кратном минимальном размере оплаты труда. Впервые такого внимания удостоена группа российских ученых. Ранее, в 1997 году, таким образом были отмечены выдающиеся ветераны культуры и искусства».

Ознакомившись с этой публикацией, мне хотелось бы узнать: кто персонально входил в группу российских ученых, удостоенных столь высокой чести президента РФ. Уж очень не хотелось бы быть рядом с академиком РАН Д.С. Лихачевым, который в памятный день октября 1993 года призывал вас расстреливать всенародно избранных депутатов РФ. Расспросы сведущих людей не дали результатов.

26 февраля 1998 года я получил две правительственные телеграммы. В первой из них президент Российской академии наук академик Ю.С. Осипов поздравил меня с награждением орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, «которым отмечен ваш многолетний добросовестный труд и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами».

Вторую поздравительную телеграмму мне прислал представитель президента Российской Федерации И.В. Шмидт, в которой уточнялось, что я награжден указом президента от 23 февраля 1998 года № 188.

В Сибири я работаю более 40 лет. Меня пригласили войти в состав членов Сибирского отделения АН СССР его организаторы: академики М.А. Лаврентьев и С.А. Христианович и поручили мне организовать новый институт, названный мною Институтом геологии и геофизики, который за свою плодотворную деятельность был удостоен звания «Имени 50-летия СССР».

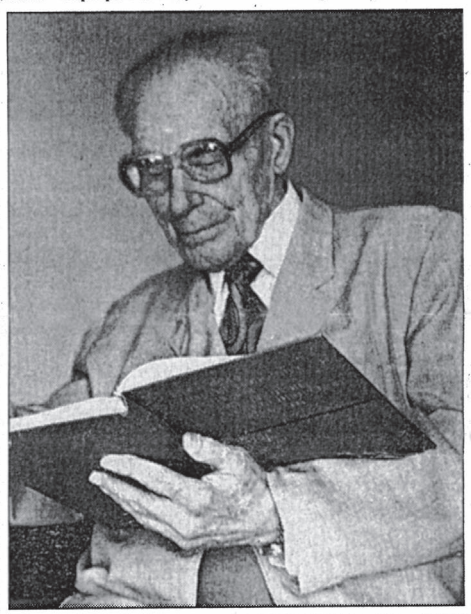
В книге, которая вышла из печати в феврале этого года, мною освещен мой и моих коллективов сорокалетний период борения за развитие нефтегазодобывающей промышленности Сибири.

Так вот, в этой книге показано, что за последнее десятилетие моей деятельности в Сибири с 1988 по 1997 гг., когда вы возглавляли и возглавляете сейчас высшее руководство Россией, у вас не было оснований награждать меня правительственной наградой, так как все эти годы я был решительным противником ваших действий по развалу СССР и осуществлению вами столь губительных для России реформ. Конечно, вы можете заявить, что мое награждение охватывает мои заслуги за все 65 лет моей трудовой и научной деятельности, а не только последнее десятилетие.

Да, я горжусь тем, что в условиях социалистического строя (пусть даже не совсем совершенного) мне выпало счастье в первые годы после окончания в 1933 году Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова (Ленина) некоторое время работать в Казани, быть на экспедиционных исследованиях, на полях Татарской АССР по выявлению нефтегазоносности ее недр. Затем короткое время работал на Урале, в Свердловской области, где тогда, в 1934 году, размещался трест «Востокнефть», занимая должность геолога, а когда трест был перемещен в столицу Башкирской АССР, вместе с ним переехал и я, где в течение 16 лет осуществлял поиски, разведку и разработку нефтяных месторождений Башкирии. Я счастлив также оттого, что на земле Башкирии нашему коллективу геологов и геофизиков в 1943 году удалось найти и быстро освоить новое месторождение (Кинзебулатовское), расположенное вблизи Ишимбаевских нефтепромыслов — основных поставщиков нефти и продуктов ее переработки, очень нужных фронтам сражающейся Красной Армии. Мы старались широко внедрить методы обработки нефтеносных залежей соляной кислотой, добиваясь существенного увеличения притоков нефти из скважин. Словом, мы всячески старались оказать помощь фронту. За эту деятельность мне в январе 1944 года было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

В последующем группой геологов и геофизиков при моем участии в районах Урало-Поволжья был открыт новый очень богатый нефтью так называемый девонский этаж, нефтяные скважины которого давали в десятки раз больше нефти по сравнению с ранее буримыми скважинами в вышележащих этажах (карбоновом и пермском). В крупном Туймазинском месторождении в девонском этаже с целью поддержания пластовой энергии мною было предложено осуществить законтурное заводнение. В таких больших масштабах это заводнение осуществлялось впервые в мировой практике нефтедобычи. Это мероприятие обеспечило продление периода фонтанного, самого дешевого способа добычи нефти и увеличило нефтеотдачу пластов с 25 до 60 процентов от их потенциала.

Мне дважды с группой соратников было присуждено звание лауреата Сталинской премии первой степени с золотой медалью. Первый раз в 1946 году — за открытие девонского нефтегазоносного этажа в Урало-Поволжье и второй раз в 1950 году — за обоснование и применение за-



контурного заводнения, значительно повысившего добычу Туймазинского месторождения.

В 1950 году приказом министра нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбакова я был назначен главным геологом Главнефтегазразведки, осуществлявшей поиск нефти на всей территории СССР. При моем участии были открыты крупные нефтяные и газовые месторождения в Татарии, саратовском Поволжье, Украине и других областях СССР. В последующем, тоже по приказу того же министра, я был назначен главным геологом Всесоюзного нефтяного института, который обеспечивал обоснование и проектирование разработки наиболее крупных нефтяных месторождений СССР. В этом институте сначала заместителем, а затем и директором я работал вплоть до перехода в 1957 году на работу в Сибирское отделение АН СССР.

Прошу извинения, что я так подробно изложил, за что и чем меня награждало советское правительство за работу как в системе Министерства нефтяной промышленности, так и в системе АН СССР. Я хотел показать, что эти высокие награды я получал не за угодничество перед начальством, а за конкретные дела, содействующие развитию производства и науки.

С 1944 по 1981 гг. я стал кавалером шести орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени. Согласитесь, что я достойно (по-моему, сверхдостойно) отмечен партией и правительством за свои скромные труды.

Совсем другое положение сложилось с начала перестройки и начала вашего столь губительного руководства Россией.

Как геолог высокой квалификации и занимавший крупные посты я отчетливо видел, как открывались широкие перспективы нефтегазоносности наших обширных территорий и не менее больших акваторий внутренних и внешних морей Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Приведу только два примера растранжиривания нефти и газа России из десятков подобных других.

Первый пример. На территории острова Сахалин добывалось ежегодно до трех миллионов тонн нефти, которых едва хватало самому Сахалину и Хабаровскому краю. Там уже в 80-х годах были разведаны крупные месторождения нефти и газа на восточном Сахалинском шельфе. Одно нефтяное, с запасами в 100 миллионов тонн, а другое газовое, с запасами в 400 миллиардов кубометров. На поиск и разведку этих запасов Россия израсходовала 160 миллионов долларов США. И вот эти месторождения передаются для извлечения названных запасов ряду иностранных компаний с участием и Японии на следующих, определенных договором условиях. Инвесторы, затрачивая по своим расчетам с учетом достойного уровня рентабельности 10 миллиардов долларов, что составляет 23 процента от стоимости запасов, по договору будут получать 90 процентов добытой нефти и природного газа. Этот кабальный для России договор о разделе продукции одобрил в качестве образцово-показательного назначенный вами премьер-министр, лучший знаток нефте- и газодобывающей промышленности СССР Виктор Степанович Черномырдин совместно с вице-президентом США. Но и при этих кабальных условиях раздела продукции по Сахалинскому шельфу инвесторы не торопятся добывать нефть и газ потому, что ожидается понижение цены углеводородного сырья, и они, инвесторы, будут ждать более благоприятной обстановки для начала добычи. Итог: на Сахалинском шельфе открыты столь большие запасы нефти, которые позволили бы в течение одного пятилетия полностью обеспечить весь советский Дальний Восток углеводородным, самым дешевым и эффективным энергоносителем. Все затраты на кардинальное решение энергообеспечения всего Дальнего Востока окупились бы в течение того же пятилетия освоения. При этом Дальний Восток мог бы экспортировать избытки нефтепродуктов в страны Тихого океана. Найденное богатство блокировано «друзьями»-инвесторами, России же остались только убытки по созданию омертвленного капитала.

Второй пример. Касается «Газпрома» и других организаций, созданных все тем же В.С. Черномырдиным. Вы сами установили, что для полного развития нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири вместе с созданием промышленной и социальной инфраструктуры вполне достаточно выделить нефтегазодобывающим организациям всего 20 процентов от добываемой продукции; с этим вашим предложением согласились и нефтегазодобытчики, а передали им сначала 40 процентов, а затем пообещали вскоре отдать и остальные 60 процентов. Итог: нефтянники вдвое снизили добычу нефти в Западной Сибири. Их энергия была направлена не на рост или стабилизацию добычи, а на то, чтобы быстрее отправить за границу накопленные от дешевой продажи нефти и газа доллары. А «Газпром» стал таким монополистом, что его власть сильнее вашей.

Вы с энергией, достойной лучшего применения, добиваетесь свободной продажи сельскохозяйственных угодий — земли России, где еще не захоронены миллионы трупов павших воинов — защитников земли русской, вы создали условия, способствующие ускоренному умиранию не только участников Великой Отечественной войны, но и всего народа России.

Вы, президент РФ, более жестоки к своему народу, чем тот старик-генерал, который отвечал им казнимым: «Вы землю просили? Я землю вам дал, а волю на небе найдете!» Распродав землю, вы не оставите ее и для могил своих соотечественников!

Передав сельскохозяйственные земли не тем, кто их обрабатывает, обеспечивая продовольственную независимость России, а тем, кто готов превратить свободных граждан России в их рабов, вы завершаете превращение великой державы в страну, где господствуют эксплуатация и рабский труд рабочих, крестьян, учителей, работников науки, создателей культуры и искусства.

Я считаю зазорным для себя принимать из ваших рук награду за то, что не смог убедить вас и вашего соратника В.С. Черномырдина в проведении не разорительных реформ Международного валютного фонда, а действительных преобразований, поднимающих благосостояние народов России, обеспечивающих им заслуженное величие и процветание!

А. ТРОФИМУК,
академик Российской академии наук,
советник президиума РАН.

рождений, честью открытия которых они гордились, благодарно помня о предшественниках, заставляла радоваться тому, что прежде могло только огорчать.

То есть… радоваться неудачам, что ли? Не совсем так. Судите сами. Уже цитировавшаяся Лия Ивановна Панина не ограничивается в своих воспоминаниях описанием творческой атмосферы тех лет. Обращается и к сюжету об обидном пренебрежении к весьма и весьма полезным ископаемым. Это сынныриты – «ультракалиевые щелочные породы», переработка которых обещала землевладельцам бесхлорные калийные удобрения, «практически отсутствующие в СССР». Эти самые сынныриты уверенно вошли в программу «Сибирь», дали обнадеживающие результаты на пилотных установках, предполагалось уже строительство комбината. Но… «Переход от социализма к дикому капитализму все перечеркнул. В этот период власть и деньги имущие думали о приватизации действующих предприятий, а созидать и строить в их планы не входило». – И утешает себя (и потомков?!) ветеран геологической науки: «Что, по-видимому, к лучшему, поскольку эти ценные, уникальные и красивые породы-руды до сих пор не тронуты, не пошли на переработку для покупки олигархами очередных яхт и личных самолетов, футбольных клубов и развлечений на экзотических островах».

О народной любви к нашим олигархам говорить не приходится. Какой разумный труженик может симпатизировать сумасбродным роскошествам толстосумов? Ошалевшая от присвоенных богатств стая соревнуется в безумных тратах с лидерами форбсовских списков… Но Россия жива. Умирать не хочет. И славное геологическое сообщество живо, работает, воспитывает молодежь в духе лучших традиций «золотого века» геологии.

Как пишет в предисловии к своей книге «Острова открытий» известный научный журналист Вл. Губарев: в шквале страстей, пережитых страной, «выстояли только те научные бастионы, которые были возведены отечественными гениями. К счастью, их было немало в XX веке…» Настолько не мало, что и на Сибирь, слава Богу, хватило.

Сибирскую академию основали титаны, и их воспитанники, ученики, наследники ищут достойные ответы на вызовы сумбурно-бурного (смутного?) времени. По Конституции недра и природные ресурсы принадлежат России и ее многонациональному народу. Академик А.Э. Конторович без ссылки на Конституцию говорит короче: «Недра – собственность государства». И где бы ни выступал, на какие бы вопросы журналистов ни отвечал, долгом своим считает сказать о доминантном, может быть, качестве своего учителя: «Все научное творчество А.А. Трофимука – потрясающей силы свидетельство того, как он любил свою Родину, нашу Сибирь, сибиряков, как боролся за развитие нашей науки и образования, а также экономики нашего огромного и богатого края».

Книга воспоминаний геологов-патриотов адресована молодой России. Честь и участь открытий будут зависеть от того, как грядущие хозяева жизни оценивают свою «привязанность» к Родине. «Привязанность» к пещерам, в которых не счесть алмазов, или…

Читайте книгу. И ищите ответ. Поколение ветеранское, но чувства глубокие – и не одной ностальгической тоской по прошлому продиктованы. У ветеранов дети, внуки, правнуки, и уже поэтому авторам воспоминаний не безразличен завтрашний день. Доброе из дня вчерашнего очень может пригодиться.